

КРЫЛЬЯ БАБОЧКИ, ЩЕКОЧУЩИЕ ВОЗДУХ

С. Т.

Парижский дождь в молдавском захолустье...
И лето движется к мерцающему устью –
туда, где лес нищает на ветру...
Скамейки у гостиницы районной.
И кажется, что дождик полусонный,
но к нашему слетается двору

Париж, Париж – с платанами Монмартра,
с мостом влюблённых,
с «Тошнотою» Сартра –
реальность расплывается опять...
Коктейль в бокале (сок с дешёвой водкой),
Камю, Кортисар – вот модель для сборки...
Но нам теперь лишь камни собирать.

Беречь живых.
Умершим ставить свечку.
И глиной мазать дедовскую печку,
не собираясь в дальние края,
хотя их много, кто туда уехал...
Ты помнишь строчку Сисара Вальехо:
«Единственное, что уходит, – это я»?

И мы уходим... меж деревьев вечных,
среди дождей, идущих бесконечно,
бессмертных птиц, поющих поутру,
над бездною несущихся без страха...

И чем мы будем? Пением и прахом
на светлом
несмолкающем
ветру.

В прозрачных яблоках светящиеся зёрна.
Плечом заденешь – и они звенят.
И весь он из мерцания и звона –
далёкий,
близкий,
заповедный сад.

Но в воздухе скрывается уловка –
поманит вход, и снова в тушике...
Ни детских снов,
ни сказочного волка...
Лишь ветер молодильный – по щеке.

Нетленный ровный свет
стекает с образов,
уже неотделим от тёмного покоя...
Но что мне до него?
Посюсторонних снов
смотритель – я влюблён
без памяти в другое...

В зелёный бунт листвы,
в мятежную траву,
в которую упасть –
бездомный горький роздых,
в озвученную ливнем тишину
и в крылья бабочки,
щекочущие воздух.

НА ХОЛМЕ

Где тризну мёртвые справляют по живым,
там холм и столб с языческого елью.
В долине вьётся одинокий дым,
чтоб люди в стынь согрелись и поели.

А здесь кружат, за ленточки держась,
вокруг столба как будто в отрешенье
ушедшие – таинственная связь
приводит их в единое движенье.

Они всегда здесь были, и сейчас
в пространстве снежном движутся по кругу...
Они молчат – молчание о нас,
покуда окликающих друг друга...

Я видел сад заснеженный, и в нём
печальных женщин в платьях разноцветных,
в молчанье собирающих плоды.

Простоволосы,
пот на тонких лицах –
не знал, что мёртвым от мороза жарко.

И молодая бабушка моя
в бордовом платье в блёстках золотистых
мне яблоко горящее несла
по полю
через снег неодолимый.

Человек во сне немного Бог –
он выходит ночью на порог,
и с него – в распахнутое небо...
Он в себе,
и словно он в других.
И сидит меж мёртвых и живых
с тёплым ломтем глинны
или хлеба.

Пока огонь в ладони бьётся,
пока, объят июльской тьмой,
бумажный шар теплом нальётся
и вознесётся над землёй,

спеши, спеши, ещё не поздно
своё желанье загадать –
безбедных дней и снов бесслёзных,
и счастья, быстрого, как тать...

– Пора, пускай! Ну, что ж ты, Саня!
Тебе помочь?
– Да нет, я сам...

Светясь, летят шары желаний
к слепорождённым небесам.

Вчера был странный день – я ветки собирал,
сгребал листву,
смотрел на быстрых птиц мельканье...
И сад был так похож на призрачный вокзал,
наполнен золотой мелодией прощанья.

Гремел ли в небе гром, иль поезд грохотал,
и слышались гудков неясственные звуки...
Я знал, что никуда никто не уезжал.
Откуда же тогда солёный свет разлуки?!

ГРУША НА СТОЛЕ

Груша стала пустотелой –
злые осы то и дело
забираются в дыру,
мякоть сладкую в ней ищут...

И жужжит она, и свищет
на мерцающем ветру.

Окно и стул...
 А человек как не был.
 Наверно, просто тихо вышел в небо
 или во двор, пустынный и сквозной, —
 забитые почистить водостоки
 иль узкие межзвёздные протоки,
 земною занесённые листвой.

Окно и стул,
 стоящий здесь от века.
 И можно бы домыслить человека —
 лицо, фигуру тёмную его,
 и ожиданье воссоздать несложно.
 И кажется, что всё ещё возможно...
 Но невозможно больше ничего.

КАРТИНА

Яблоко подмёрзшее на окне,
 пряди в поле снежные за окном —
 вот и всё...
 И хватит, чтоб в тишине
 в пустоте возник одинокий дом.

Во дворе бочонок гнилой без дна
 и петух, клюющий из миски жмых.
 Вот давно не крашенная стена,
 дверь в чешуйках выгнутых голубых,

и седая женщина у стола,
 тяжело вздыхая, лушит фасоль.
 Вот к жилищу мягко подходит мгла,
 и в уставшем сердце стихает боль.

И вода яснее в недолгом сне —
 он легко в пространстве плывёт ночном...

А всего-то — яблоко на окне,
 поле посевшее за окном.